

Лада Кудрязова

ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

16+

Лада Кутузова

Очередь за счастьем

«Автор»

2022

Кутузова Л.

Очередь за счастьем / Л. Кутузова — «Автор», 2022

2020-й год. В России отменяют деньги. Бухгалтер Лена в полной растерянности: куда бежать? За что хвататься? Сложно оставаться невозмутимой, когда у тебя на шее двое сыновей, а помощи от бывшего мужа не дождешься. Лена пытается найти свое место в новом мире, а еще — построить личное счастье на фоне коммунистического апокалипсиса.

© Кутузова Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая. Очередь	5
Глава вторая. Отдай, что взяла	11
Глава третья. Новая реальность	16
Глава четвертая. Мужской дефицит	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лада Кутузова

Очередь за счастьем

Глава первая. Очередь

Очередь к банкоматам тянулась аж от самого метро. Лена стояла за рослым, под два метра мужчиной и вплотную прижималась к его спине – чтобы никто не проскочил. От мужчины невыносимо воняло чем-то удушливым: смесью аромата хвои и тяжелого запаха пота. В другое время Лена держалась бы от запаха и мужчины подальше, но сейчас мозг не подавал тревожных сигналов. Все органы чувств были сосредоточены на другом.

Снег таял, оставляя после себя зимний мусор, бычки и лужи. Люди стояли в лужах, не размыкая ряды. Время от времени очередь замирала – кончались деньги. Тогда люди разворачивались в сторону шоссе, делавшему здесь крюк – круговое движение – и тянули шеи, как сторожевые гуси. Лена тоже высматривала: не едет ли инкассаторская машина? В наушниках звучало: "Я свободен, словно птица в небесах". Лена не слышала слов песни, она была погружена в ожидание, отключившись от внешнего мира. Затем очередь вновь приходила в движение.

С утра объявили, что с завтрашнего дня денег не будет. Ни завтра, ни послезавтра – никогда. Лишь к обеду народ поверил, что это правда, а потом все побежали к банкоматам. Лена думала: на что потратить деньги? На карточке скопилось немного: у Лены было двое детей, которых, вынь да положь, но обеспечить всем необходимым, так что деньги улетали, как в трубу. А Витька, бывший муж, после развода совсем зажмотился, положенного и то не выплачивал. Лене пришлось через приставов выбивать из бывшего алименты.

По всему выходило, что лучше потратить деньги на продукты. "Крупы прикупить, молоко в долгоиграющих пакетах, или даже сухое, или концентрированное в банках. Яичный порошок ещё можно. Муки мешок и макароны. Тушенку и рыбные консервы. А ещё..." Мысли сбивались. Лена вытащила ручку из сумки и завалявшийся чек и принялась составлять список. "Лекарства надо", – вспомнила она. Коммуналку Лена решила не платить – не ее проблема, что деньги отменили. Пусть государство само разбирается.

Впереди раздались крики: кто-то попытался пролезть без очереди. Вопли были слышны даже через наушники. Лена не сдвинулась с места: ее это не касается. Но наушники вынула: нужно следить за обстановкой. "Спички купить не забудь", – посоветовал кто-то над ухом – впереди стоящий мужчина разговаривал по телефону. "А ещё газовую плитку возьми и баллон к ней. Нет, я не успею, надо автомобиль заправить под полный бак". Лена впервые обрадовалась, что машину забрал Витька – пусть теперь мучается. "Нет, про свет ничего не говорили. Но сама знаешь: у нас все может быть," – продолжал мужчина, и Лена с ним мысленно согласилась.

Возле разбитого крыльца очередь вновь остановилась. Народ толпился около двери, но наряд полиции отгонял тех, кто пытался пролезть в наглуую. Лена разглядывала вывески: «Продвигл», "У Толича"... Хотелось пойти и купить торт, огромный. А ещё дорогих продуктов и закатить пир. Но Лена одернула себя: нельзя деньги бездумно тратить! Их больше не будет.

Послышался разговор: кто-то предложил, чтобы в одни руки больше десяти тысяч рублей не давали, а то всем наличных не достанется. Очередь заволновалась, а Лена в очередной раз пожалела, что пожадничала и не купила горящую путевку на море. Ну и пусть, что не сезон. Зато бы отдохнула, да и дети бы в бассейне искупались. А теперь неясно, как сложится с путевками, раз деньги отменяют.

Народ все прибывал. Опять подъехала инкассаторская машина. Двое грузных мужчин в сопровождении автоматчиков внесли запакованные мешки с деньгами. Лена облегченно вздох-

нула: на нее денег хватит. Теперь нужно потратить их до полуночи, пока карета не превратилась в тыкву.

Сняв все до последней копейки, Лена отправилась в «Анаш», тот располагался в двадцати минутах ходьбы; если быстрым шагом, то и за пятнадцать можно добраться. Подтянулась полиция, омоновцы выстроились вдоль очереди к банкоматам. Лена вздохнула с облегчением: она боялась беспорядков. Воображение быстро представило, как толпа мужиков, сминая все на своем пути, рвется в банк. Лена знала по собственному опыту, что это возможно: сколько раз в метро ее отталкивали от дверей вагона в час пик. Да и просто: тюкнут по башке молотком и отберут деньги. Она сильнее прижала сумку к себе.

Зазвонил телефон. Лена почему-то решила, что это Витька. Небось, речь толкать будет на тему, что в трудное время лучше объединиться. Лена заколебалась: ел Витька много – не прокормишь. После ухода мужа Лене готовила намного меньше и без разносолов, а то свекровь приучила в свое время сынка, чтобы на ужин было несколько блюд на выбор. Зато Витька защитить мог в случае чего.

Додумывать Лена не стала: в голове сразу возникла картинка, как банды, состоящие из тех же мужиков, врываются в квартиру и отбирают у беспомощной Лены и детей продукты и ценные вещи. После насилуют Лену и убивают вместе с детьми. Но мелодия продолжала тренькать, останавливая разгулявшееся воображение. Лена вытащила телефон, это оказался Толик – старший сын. Она быстро успокоила его, что все в порядке, и чтобы быстро не ждал, у нее дела. "Гулять не ходи", – предупредила Лена на всякий случай.

Очередь в «Анаш» тоже была огромной. Вдоль нее стоял пикет: трое людей с транспарантами. На двух виднелась надпись: "Руки прочь от наших денег!" У третьего на листе красной краской было начертано: "Даешь коммунизм!" Лена безучастно поглядела на митингующих и встала в конец очереди.

Больше всего Лену волновало: как жить без денег? Ну в метро бесплатно пропустят. А как быть с теми же продуктами или одеждой? Да и холодильник новый нужен – старый подтекает. Лене смутно было знакомо слово «трудодни». Может, станут какие-то баллы начисляться за месяц. Плюс, дополнительные за детей, за то, что она разведенная... Людей рядом волновал тот же вопрос.

– Обломалась Турция, – веселым голосом произнес мужчина, стоящий неподалеку. – Будем теперь в Крым-наш ездить.

– Почему обломалась? – не поверила тетка средних лет.

– Кто ж нас туда без денег пустит? – объяснил веселый мужчина.

– А чему ты радуешься?! – набросилась на него тетка. – Вот из-за таких сволочей нас всех на колени поставили!

Веселый мужчина ничего не ответил, а обратился к Лене:

– А вы куда поедете?

Лена не собиралась ни с кем вступать в диалог, но неожиданно для себя сказала:

– Никуда – денег нет.

– Так теперь их ни у кого не будет, – со смешком сообщил он. – Так что выбирайте.

– На Байкал хочу, – задумалась Лена. – Во Владивосток еще, на Камчатку... В Чехию или Австрию. В Мексику.

– Накрылась за граница, – вклинилась тетка, – будем снова за железным занавесом.

– Крым еще, – подсказал мужчина. Казалось, его забавляет эта ситуация.

– Тьфу! – сплюнула тетка и заткнулась.

Лена тоже погрузилась в молчание. Она думала, что хорошо бы поехать на какой-нибудь оптовый склад и там закупить муку, разные крупы, макароны. Взять несколько мешков – не испортятся. Правда, в крупе жучки завестись могут, да и в муке также, но наверняка есть сред-

ства против этого. Только Лена не знала ни одного склада поблизости. Можно было поискать в интернете, но Лена не хотела туда заглядывать – слишком много событий и информации для одного дня. Хватит с нее новостей!

Очередь потихоньку двигалась к дверям супермаркета. Снова затрещивал телефон.

– Мам, ты скоро? – судя по голосу, Толику что-то срочно понадобилось.

– Что случилось? – Лена подавила порыв немедленно бежать домой.

– А Дима разлил зеленку в раковине, и теперь она не отмывается, – наябедничал Толик.

Лена перевела дух: ничего серьезного.

– Потом уберу, а пока ничего не трогайте. Я в магазине, через час, наверное, буду.

– Дай бог, к полуночи отсюда выйти живыми и здоровыми, – вставила тетка. – И чтобы продуктов хватило.

Мимо проехала фура и остановилась около «Анаша». Грузчики принялись вытаскивать коробки и грузить их на тележки.

Лена равнодушно следила за работой грузчиков, мысленно перебирая список: все ли учла? Список был как заколдованный, Лене все время казалось, что что-то выпало из ее внимания, ускользнуло. Она вновь ощутила тяжесть, как в те дни, когда стало понятно, что семейная лодка пошла ко дну – Лена совершенно одна и надеяться не на кого. Нет, у нее есть сестра и родители, но глупо просить о помощи, когда уже сама не ребенок. Родители, кстати, закупились еще с утра: люди старой закалки, им не понадобилось полдня, чтобы убедиться, что это не шутка. Сестра рванула в магазин днем, отпросившись с работы, вместе с супругом. Ленины мысли перепрыгнули на бывшего: вот же гад! Даже не поинтересуется, как она. Мог бы если не о ней вспомнить, так хотя бы о собственных детях. Вновь раздался телефонный гудок.

– Ма-а-ам, – начал Толик, но Лена прервала его тоном, не терпящим возражений: – Толя, что-то срочное?

– Нет, – растерялся сын.

– Тогда не звони, мне сейчас некогда.

– Купи мне сникерс, – к телефону прорвался Дима. – И жвачку.

Лена едва не застонала:

– Хорошо, куплю. Только больше не звоните, если нет ничего срочного.

Телефон она убрать не успела, на экране высветился номер сестры.

– Ты как? – поинтересовалась та.

– Стою пока, – ответила Лена.

– Максима к тебе отправить? – уточнила Катя. – Мы как раз все разобрали.

Лена прикинула: пока зять доберется до нее через всю Москву да по пробкам... Смысла нет. Она так и сказала сестре.

– Ну ты звони, если что, – предложила Катя перед тем, как отключиться.

Лена вздохнула: сестре повезло с мужем. Уж как он упрашивал Катю родить сына, больше года точно. У них уже была дочь, и Катя никак не соглашалась на второго. Но Максим уговорил. Родился племянник, Максим подогнал Кате новую машину в честь рождения сына. А недавно они обменяли свою двушку на трешку. Максим сам занимался ремонтом, Катя только пальцем тыкала в каталоги: вот эти обои, эту плитку, этот ламинат. И с детьми Максим все на себя взял, даже на кружки возит. Не то что Витька.

Очередь постепенно двигалась. Из дверей супермаркета вышли двое инкассаторов в сопровождении автоматчиков, они несли тяжелые мешки с деньгами. Лена проводила инкассаторов взглядом: именно их она видела у банка. Магазин, банкомат – круговорот денег в природе.

С утра, как нарочно, заблокировали все безналичные расчеты! Даже платежки отправить не смогли. Главбух на ушах ходила, пришлось распечатывать документы, отлавливать дирек-

тора для подписи и затем взять платежки в банк. Так бы Лена не потеряла кучу времени у банкоматов. «Вечно у нас все не для людей!» – раздраженно подумала она.

Наконец, Лена с остальными вошла в супермаркет. Очередь змеей вилась вдоль стеллажей с товаром. Лена достала список, чтобы сверяться с ним. «Молоко, яйца... Ой, прокладки надо не забыть взять. И паста зубная заканчивается», – отметила она. «Соль, спички, гречка...» – перечислял кто-то рядом. «Свечи у нас дома есть?» – задумалась Лена. Ее почему-то волновал вопрос насчет электричества. Было бы проще, если бы плита была газовая, но в новых домах везде ставили электрические. «Если вырубят свет, придется во дворе на костре готовить», – мрачно решила Лена. Бежать куда-либо за примусом она оказалась не готова.

Лена закинула в тележку упаковку свечей, взяла несколько коробков спичек – их хватало все. И соль. Куда же без соли? Будто это был продукт первой необходимости. Гречку и рис Лена не любила, но общий психоз заразил и ее. Люди вокруг переговаривались по телефонам: «Чайник купить? А какой? Подешевле который? За восемьсот пойдет?» Некоторые сметали все подряд – видимо, денег, которые нужно срочно потратить, у них накопилось больше, чем у Лены. Лена вела в голове скрупулёзный подсчет, пытаясь понять, сколько наличных останется. Потом решила, была не была, и положила в корзину игровую приставку – Толик и Дима давно просили такую. Все равно на всю жизнь продуктами не запасешься.

Лена уже приближалась к рядам с молочкой, как телефон вновь зазвонил.

– Мама, – сообщил Толик, – у меня шорты порвались, в которых я на физкультуру хожу.

Лена чуть не застонала: прилавки с детской одеждой она уже миновала, а пробиться назад невозможно.

– Почему сразу не сказал?! – напустилась она на сына. – Теперь ходи в рваных!

Она в сердцах отключила телефон. Хотелось заорать во все горло, но Лена сдержалась. «Гадство какое», – произнесла она вполголоса.

– Девушка, что случилось? – обратился веселый мужчина.

– Да вот сын... – Лена поделилась проблемой.

– Сейчас все решим, – успокоил ее мужчина и воззвал к остальным, повысив голос: – Люди, нужна помощь! Что именно? – уточнил он у Лены. – Надо шорты для мальчика на физкультуру, – повторил он за Леной, – на рост сто сорок сантиметров.

Через семь минут необходимые шорты оказались у Лены – их передали по цепочке.

Очередь к кассам подходила медленно, поэтому корзина пополнилась шоколадными сырками, которых не было в списке, и дорогущим тортом «Красный бархат». Лена долго прикидывала: хватит ли денег, но решила, что, если нет, откажется от торта на кассе. Она знала все эти уловки супермаркетов: стенды возле касс с жевательной резинкой, шоколадками, печенюшками... Но смысла экономить уже не было. Эх, лучше бы Лена купила путевки.

В конце зала общий поток растекался на множество мелких, Лена встала по привычке за веселым мужчиной и ворчливой теткой. За ней пристроилась пожилая семейная пара, за ними молодая женщина гренадерского роста и стати, ее светлые волосы были собраны в хвост. Женщина во весь голос общалась с кем-то по телефону. «Ну ты прикидываешь, – вещала блондинка-гренадерша, – они неделю назад квартиру в ипотеку взяли. А теперь денег не будет, ипотеку выплачивать не придется, а квартира за ними останется. Я, как узнала, прифигела: вот же повезло людям!»

– Квартиру им сдать придется, – влезла ворчливая тетка, которая тоже прислушивалась к разговору.

– Ну да! – возмутилась пожилая пара. – А если люди несколько лет ипотеку платят?!

– Тогда долю выделяют или меньшей площади жилье предоставят, – предположила ворчливая тетка.

– Ну конечно! Кто же на это пойдет? – женщина из пожилой пары скрутила дулю. – Пусть только попробуют! Весь народ встанет.

«А Катька, прикинь, на Багамы круиз купила. И тоже в кредит!» – блондинка-гренадерша не обращала на негодующих никакого внимания, а вокруг уже разгорались споры: всем стало интересно, что станет с различными займами после отмены денег.

Лене было все равно: кредитов у нее не имелось. Волновала только оплата коммуналки, но это был не личный Ленин вопрос. Да и может, баллы введут вместо зарплаты или начнут выдавать продуктовые талоны, как в начале девяностых. «Водку я не пью, сигареты не курю, – подумала Лена, – можно будет обменивать на что-то полезное».

«А Стриговы всю технику в квартире поменяли и Рено взяли», – продолжала блондинка-гренадерша.

– Наверняка в банках знали, что готовится, – ворчливая тетка не скрывала недовольства. – Люди нахватили кредитов, а теперь им и отдавать не придется.

По всей видимости, такой расклад тетку не устраивал – она была за всемирную справедливость. Лена же в очередной раз пожалела, что не поехала на море – надо было брать кредит, а не жадничать.

Послышались вопли: что-то не поделили две женщины. Из-за людей Лена ничего не видела, зато слышала. Судя по всему, одна обвиняла другую, что та стащила из ее тележки сырокопченую колбасу. Брауншвейгскую. Разговор велся на повышенных тонах, грозя перерасти в драку – женщины уже скатились до оскорблений. Им вторили мужья, сперва мирно, стараясь успокоить жен, потом кто-то пообещал набить морду оппоненту. Но тут к ругающимся через толпу протиснулись полицейские и предложили на выбор: или те успокоятся, или их выведут из магазина. Наступила тишина, после чего колбаса перекочевала в тележку к первой семейной паре под возглас: «Да подавитесь!»

Лена взглянула на часы: было около девяти вечера. Хотелось есть, пить и в туалет – одновременно. И тележку не бросить, обратно Лена к ней просто не пробьется. Худо-бедно, но очередь двигалась. С позором изгнали молодого мужчину, который набил карманы дорогой колбасой и сыром, пытаясь пронести их неоплаченными. Остальные продукты у него отобрали тоже. Лена испугалась, что на мужчину начнут составлять протокол, закроют соседнюю кассу, и тогда люди рассредоточатся по другим очередям, оттесняя Лену от выхода из магазина. Но незадачливого воришку лишь пристыдили.

На подступах к кассам стояли менеджеры со сканерами наперевес. Один считывал штрих-коды, второй упаковывал продукты и вещи в пакеты. Лене пришлось взять три пакета многоразового использования. Ну и ладно, потом пригодятся. Сама оплата прошла быстро, и Лена наконец-то вырвалась на свободу. На улице виднелась еще одна очередь – на такси, но в разы меньше предыдущей. Подъезжала машина, водитель подхватывал сразу троих пассажиров и уезжал. Лене повезло: набирали пассажиров в сторону ее дома. Если идти пешком, минут десять от силы, но тащить сумки Лена была не в состоянии. Поднять одну из них – и то подвиг. Таксист водрузил пакеты в багажник, Лена села на заднее сиденье и выдохнула: кажется, она справилась.

– А вы почему не в магазине? – поинтересовалась у водителя одна из пассажирок, женщина в районе шестидесяти лет.

Лена всегда с восхищением наблюдала за подобными особами. Этакая реинкарнация английской королевы в среде обычных граждан. Высокая прическа, волосок к волоску, крупные серьги и перстни с огромными камнями, к ним в комплект массивные браслеты и безупречно подобранная одежда. Лена с удовольствием взяла бы для себя в пример одну из подобных особ, но всегда чего-то не хватало: то времени, чтобы привести себя в надлежащий порядок, то денег. Поэтому Лена покупала не то, что хочется и отвечает ее вкусу, а то, на что хватало все тех же денег и времени.

– Мы после полуночи обслуживаться будем, – сообщил таксист. – Нам всем приглашенные раздали, – он вытащил из бардачка и продемонстрировал пассажирам кусок бумаги, похожий на сертификат спортивного магазина.

– Умно придумано, – похвалила женщина.

Таксист вытащил Ленины сумки и оставил их возле двери подъезда. Она расплатилась оставшимися купюрами и оглянулась: помочь было некому. Поэтому одной сумкой Лена подперла дверь, чтобы та не захлопнулась, а после перетащила пакеты в подъезд. Затем все так же по одному перенесла их к лифту.

Глава вторая. Отдай, что взяла

Дома было относительно спокойно. Дима и Толик возились на диване: кто кого поборет. Затем они обступили сумки и начали изучать их содержимое.

– О, торт! – воскликнул Дима. – У нас праздник?

– Угу, – Лена не разделяла оптимизма младшего сына, но нагружать его проблемами смысла не было. – А потому вам с Толиком подарок, – она вытащила приставку и две игры к ней.

Сыновья восторженно завопили, что немного примирило Лену с событиями сегодняшнего дня. Часть продуктов она отнесла на балкон – в конце апреля было еще не жарко, не испортятся. Остальными забила холодильник и шкафчики на кухне. Теперь можно выпить чай с тортом и перевести дух. На часах стрелки показывали десять вечера. Раковину, заляпанную зеленкой, Лена решила оставить на завтра.

Она разогрела вчерашние макароны с котлетами, хотя Толик и Дима уже нахватались бутербродов, а сейчас подключали приставку к телевизору. Но под угрозой лишения подарка сыновья даже не пикнули – съели все. Сама Лена проглотила свою порцию и ничего не почувствовала – еда словно упала в бездонный колодец, сказался стресс. Она написала сестре и родителям, что уже дома и все в порядке. Затем наконец-то разрешила торт. Тот был восхитительным. Лена смаковала каждый кусочек, а в соседней комнате ссорились Толик с Димой – каждый хотел попробовать игру первым. Лена прикрикнула на обоих и велела, чтобы выбрали режим для двух игроков, это помогло.

Позвонила бывшая свекровь. Лена не хотела отвечать, но все же приняла звонок: вдруг что случилось? Свекровь без лишних предисловий потребовала:

– Ты у меня картину взяла. Будь добра, верни.

Лена не сразу нашлась, что сказать.

– Я у вас полгода не была, – отрезала она. – Какая картина?!

– Вот ты всегда найдешь, что ответить, – не поверила свекровь. – Зачем вредничаешь? Мало тебе платка, которого ты у меня без спроса взяла?

Лена прервала разговор, но настроение было безнадежно испорчено.

Отношения со свекровью не заладились со дня знакомства, но Лена осознала это лишь позже. Сначала же она относилась к свекрови с энтузиазмом щенка, который готов ластиться по любому поводу. И только потом поняла, что свекровь выбор сына не одобрила: Лена, по ее мнению, была слишком себе на уме. Она и сына пыталась настроить против будущей жены. Но Витька настоял на своем: как всякий влюбленный он считал, что окружающие разделят его чувства.

Возможно, если бы они сразу съехали на съемную квартиру, было бы проще. Но тогда, тринадцать лет назад, Ленина бабушка была жива, а сестра проживала в квартире их с Леной родителей вместе с мужем и дочерью. По мнению Витьки, глупо было отдавать деньги, когда можно поселиться у его мамы в трешке. И Лена поспешила согласиться.

Через день после свадьбы поздно вечером свекровь никак не хотела уходить из комнаты молодых – смотрела телевизор. Витька намекнул, что они собираются ложиться спать, на что свекровь ответила:

– Я вам мешать не буду. Звук убавлю.

Такая простота поразила Лену в самое сердце: как могла взрослая женщина, которая и сама была когда-то замужем, быть такой, э-э-э, наивной? Понятно, что у Лены и Витьки были немного другие планы на вечернее времяпровождение, но не станешь же говорить об этом вслух.

Следующим вечером ситуация повторилась. Тогда Витька психанул и отнес телевизор в комнату матери. Естественно, свекровь обиделась на Лену: не иначе, подговорила. Поначалу свекровь лишь поджимала губы, затем начала высказывать недовольство. Лена не знала, как быть: станешь проявлять инициативу – обвинят, что она все делает по-своему. Не будешь – выговорят, что Лена бездельничает. А еще Лена, по законам жанра, неправильно мыла полы!

Апогей наступил во время Лениной беременности. Свекровь ворвалась к ним в комнату рано утром и начала орать, что Лена, такая-сякая, стащила из холодильника корвалол, который свекровь купила вечером. И конечно, свекровь точно помнит, что убрала корвалол туда. Ночью ей стало плохо с сердцем, а лекарства не оказалось! Так как Лена его украла, чтобы отдать своим родителям и сэкономить деньги.

Лена сперва пыталась оправдаться, потому что не понимала, как можно бездоказательно обвинять другого человека. Ведь пропади что у Лены, она бы думала, что сама куда-то не туда положила. Но свекровь напирала, что раньше, до Лены, ничего такого не было, а потому понятно, кто взял. Витька, как мог, защищал жену, а под конец просто вытолкнул мать из комнаты. Лена пыталась успокоиться, но получалось с трудом. И тогда Витька спросил: «Ну зачем ты взяла этот корвалол?»

Они едва не развелись. Лене было плевать на свекровь – чужой человек по сути, но вопрос мужа восприняла как предательство. Он, что, действительно считает, что Лена воровка?! Ну и пошел тогда на три буквы. Лена открыла шкаф и стала швырять на пол свои вещи. Ее трясло: от обиды, от того, что она сейчас так уязвима.

Витька пытался сгладить конфликт. С одной стороны, он верил Лене, с другой, до него никак не доходило, что родная мать специально все сочинила, чтобы рассорить его с женой. Худо-бедно, но Лена с Витькой помирились. Правда, свекровь перестала разговаривать с Леной, но ту это устраивало. Да и не о чем разговаривать: слишком разные они были.

В Прощеное воскресенье свекровь подошла к Лене, поклонилась и сказала: «Прости меня, пожалуйста». Лена не сразу вспомнила, что нужно отвечать в подобных случаях, – она была далека от церкви: в бога верила постольку-поскольку, а в РПЦ – нет. «Бог простит, и я прощаю», – с запинкой произнесла она. Свекровь обняла за плечи и пылливо заглянула в глаза: «Больше не вредничай».

После рождения Толика они начали общаться. Свекровь обрадовалась рождению внука. Гуляла с ним днем, всегда была на подхвате и постоянно лезла с непрошенными советами. Ей казалось, что у Лены мало молока, а потому ребенка надо докармливать. Лена же считала, что отвар из геркулеса, отжатый через марлю, – совсем не то, что нужно младенцу. И что свекровь со своим мнением безнадежно устарела.

Вскоре родился Дима. И все бы было нормально в совместном существовании, если бы свекровь время от времени не обвиняла Лену в пропаже своих вещей. Всегда это происходило в те моменты, когда Лена расслаблялась и не ждала подвоха. Словно свекровь нуждалась в сильных эмоциях и специально цеплялась к Лене. «Она у тебя энергетический вампир», – догадалась Ленина начальница, Тамара Ивановна.

Однажды это напугало Лену. Свекровь стояла на кухне возле газовой плиты и о чем-то думала. Она погрузилась в себя настолько сильно, что Лене пришлось дважды поздороваться: она только что вернулась с работы. Свекровь посмотрела на нее, вынырнув из своих размышлений, и спросила: «Зачем ты взяла мои тряпки?»

В этот раз у свекрови пропали какие-то тряпки, которые она хранила на батарее в своей комнате. Объяснить, что они никак не могли понадобиться, Лена не могла. Да и взять их просто была не в состоянии: целый день на работе. И тут до нее дошло: у свекрови что-то неладное с головой, потому как нормальный человек додуматься до такого не мог. О чем Лена и сообщила Витьке, хотя муж отнесся к новости со скепсисом. А потом у Лены умерла бабушка, которая за год до этого получила квартиру в новом районе по программе реновации. И Лена тут же

перебралась в квартиру вместе с Витькой, хотя он уговаривал лучше сдать жилье и получать деньги. Но Лена уже нажилась со свекровью по самое не могу, поэтому доводов супруга слушать не стала. И, как оказалось, зря.

Лена потом не могла понять, как так вышло. Вроде наконец-то съехали от свекрови и можно жить без постоянной оглядки, но все покатило, словно колесо под гору. Лена искренне радовалась избавлению от «свекрыглы», как она звала мать мужа за глаза. Жить с чужим человеком и так-то не сладко, но находиться бок о бок с теткой, у которой в голове непонятные дрожжи бродят, в разы хуже.

У Лены имелась близкая подруга Татка, матери которой поставили шизофрению. Причем Татка сперва скрывала диагноз матери – стыдилась. Хотя что тут такого? У многих в старости маразмы пышным цветом расцветают, только держись.

Таткина мать Лене в молодости очень нравилась. Инна Павловна была женщиной видной, породистой. С высокими скулами, точеным подбородком и выразительными глазами. Лена обожала ее рассматривать: не женщина, а идеал красоты. Жаль, что Лена далека от него, как пони от арабского скакуна. Да и Татка пошла не в мать, к своему сожалению. А может, к счастью. Потому что Инна Павловна слегка тронулась рассудком, когда умерла ее мать, – Таткина бабушка. В одной рубашке она выбежала на улицу и стала кричать: «Моя мама умерла!», распугивая случайных прохожих.

Сперва болезнь в глаза особо не бросалась, потом Татке с помощью врачей удалось посадить мать на таблетки. Но Инна Павловна считала, что у нее все в порядке, и таблетки выбрасывала. Все произошло в тот день, когда Татка решила запечь утку. Она включила плиту и собралась поставить утятницу, когда Инна Павловна неожиданно подскочила сзади и пихнула дочь в горящую духовку.

Для Татки все закончилось относительно хорошо. Она чудом удержалась и отделалась лишь сгоревшими бровями и ресницами. Ну и волосы спереди слегка опалило. Лена через два дня после произошедшего встретила с Таткой в кафе, подруга прятала глаза за солнечными очками в форме крыльев бабочки.

– Посмотри на меня, – сказала Татка, – я будто в противогазе, – она сняла очки, и они с Леной начали смеяться, как сумасшедшие.

С тех пор Лена к людям со странностями относилась настороженно и прибабахи собственной свекрови не одобряла.

Вскоре после того случая Инну Павловну поместили в частную клинику, где Татка навещала ее два раза в неделю, таская сумки с готовой едой для матери и деньги для персонала. Клиника обходилась Татке дорого, но мать забирать она не спешила – собственная жизнь дороже. А несколько лет назад Инна Павловна умерла от полиорганной недостаточности, и Лена провела тогда с Таткой весь вечер за бутылкой коньяка, спасая подругу от самобичевания.

После того как Лена с Витькой переехали, сначала все шло хорошо: они с Витькой делали ремонт и ни разу не поссорились, даже когда обоим выбирали. Дружно обдирали прежние, которые наклеил застройщик, – самые убогие, видимо; слаженно меняли линолеум. Лена еще думала, что в других семьях ремонт – повод для выяснения отношений, а они с Витькой не такие!

Лена считала, что у них крепкая семья, и с Витькой они состарятся вместе – ну как бывает во всех голливудских фильмах с предсказуемым хеппи-эндом. Но жизнь внесла коррективы. Все началось, как по нотам, – Витька стал задерживаться. Ненадолго. К тому же от него периодически разило пивом. На Ленино недовольство он резко высказался, что имеет право выпить после трудового дня. Но выпивший, Витька почему-то делался агрессивным и дурным, как никогда. Он цеплялся к Лене, набрасывался на мальчишек, его все бесило.

Однажды, когда Витька в очередной раз опаздывал, Лена вышла на балкон. Посмотрела вниз и увидела на детской площадке своего благоверного. Он стоял не один, возле него вертелась Танька из соседнего подъезда, она тоже попивала пивко. А потом, ни капли не стесняясь, Танька повисла на Витькиной шее и принялась жарко целовать его.

Лена полыхнула от негодования. Не помня себя от ярости, она выбежала во двор, чтобы повыдирать Таньке жидкие волосенки, а потом долго и с наслаждением бить ее дурную голову о железную горку, но ни Витьки, ни Таньки уже не было. Номера Танькиной квартиры Лена не знала. Возможно, это спасло Таньку, возможно, Лену. Ведь непонятно, как среагировал бы Витька.

– Ушли голубки-то, – хихикнула тетя Зина с пятого этажа, неведомо как оказавшаяся поблизости. – Прохлопала ты счастье свое.

Лена полыхнула второй раз – со стыда. Оказывается, все всё давно уже знают, одна она как дура. И ведь были звоночки, были! Но Лена старательно закрывала глаза, ведь страшно поверить, что семейное счастье – дутое. И на свекровь это не спишешь.

Лена поднялась в квартиру. Ее шатало, точно она напилась.

– Мама, а что ты там делала? – поинтересовался Толик.

– Ничего, – Лена судорожно соображала, как быть дальше.

Больше всего подкосило то, что Витька спутался с Танькой. Про разлучницу Лена слышала во всех подробностях еще от покойной бабушки, что Танька за бутылку готова отдаться любому проходимцу. И вот теперь Витька, который клялся Лене в большой и вечной любви, от которого она родила двух сыновей, связался с падшей женщиной.

Лена несколько раз видела Таньку: женщина как женщина, ничего особенного. Неопределенного возраста – лицо, как у всех выпивох, одутловатое и вне возраста, ведь морщины от отеков разглаживаются. Короткая стрижка, не модельная какая-нибудь, а самая дешевая. А вот взгляд у Таньки был масляный, на мужчин рассчитанный. Танька любила мужиков и не скрывала этого.

Лена закрыла дверь на задвижку, теперь Витька в квартиру не попадет. И написала по телефону, что пусть у Таньки и остается, домой не является. А если попробует дебоширить, она полицию вызовет. После этого Лена выключила телефон, заперлась в ванной и разревелась. Вода стекала в сливное отверстие раковины, Лена размазывала тушь по лицу и тихо подвывала, так, чтобы дети не слышали.

Лена выбросила из головы воспоминания – нечего душу ворошить, да и сыновья быстро заявили о себе. По мнению Толика, Дима мухлевал в игре, младший же отпрыск был доволен тем, что выиграл у брата.

– Марш спать! – велела Лена.

Сыновья стали ныть, что хотят поиграть еще немножко, но Лена была непреклонна:

– Вам завтра в школу, а мне на работу. Все!

– Ма-а-ам, – протянул Толик, – а можно мы не пойдём в школу?

Лена поколебалась мгновение: ей самой не хотелось на работу. Может, сказаться больной? Нет, все же надо узнать новости и обсудить их с коллегами.

– Одни посидите? Драться не будете? – уточнила она у сыновей.

– Не будем! – клятвенно заверили они.

Она загнала отпрысков спать и отправилась к себе, собираясь немного посмотреть телевизор. Только тогда позвонил Витька.

– Я два мешка макарон достал и гречки, – без лишних слов произнес он. – Возьмешь?

Лена испытала приступ благодарности: зря на бывшего бочку катила. Все же заботливый отец у Димы с Толиком.

– Возьму, – согласилась она.

– Тогда привезу, – ответил он. – Только уговор: ты мне не деньгами заплатишь, а золотом. У тебя же остались сережки, которые я дарил?

Лену точно холодной водой облили, она не сразу нашлась, что ответить.

– А алименты ты мне теперь тоже золотом платить будешь? – спросила Лена. – У тебя кольцо обручальное осталось, которое родители мои покупали.

– Дура! – в сердцах бросил Витька, и отключился.

Лену трясло. Она со злостью заблокировала бывшего мужа в соцсетях и на телефоне: пошел он в задницу, козел! Лена распахивалась до такой степени, что сон, как корова языком слизнула. Лена поднялась и побрела на кухню: нужно выпить, иначе она не успокоится. Из-под двери в комнату сыновей пробивался слабый свет: Толик и Дима играли в приставку. Лена махнула рукой: ну и пусть, все равно завтра в школу не идут.

Она достала бутылку шоколадного ликера и налила рюмку. Лена пила медленно, со смаком, цедя каждый глоток, – ликер был куплен полгода назад и использовался в исключительных случаях ради удовольствия. Лена допила остатки ликера и вскоре звонила Татке, чтобы излить душу на придурка бывшего. Татка слушала невнимательно, постоянно на что-то отвлекаясь. Когда Лена попыталась обидеться еще и на подругу, та заявила выразительным шепотом:

– Слушай, я не одна.

– Понятно, – Лена наскоро попрощалась.

Татка время от времени бурно устраивала личную жизнь, и тогда ей дела не было до Лениных проблем. Лена просмотрела список контактов: больше жаловаться некому – Лялька, небось, десятый сон видит, она жаворонок. Да и у остальных семьи. Лена с раздражением положила смартфон на тумбочку и вернулась в кровать: что ж, надо попытаться заснуть.

Не спалось! Лена ругнулась вполголоса и снова пошла на кухню: хотя бы чая попить. Из-под двери в детскую комнату – сынарника, как звала место обитание сыновей Лена, – по-прежнему виднелся свет. Лена открыла дверь: Толик и Дима сладко спали в кроватях, лишь горел экран телевизора, на котором застыл Гарри Поттер. Лена выключила приставку и телевизор и продолжила путь.

Она включила чайник и достала торт: плевать на талию! Отрезала щедрой рукой кусок и заварила чай прямо в чашке. Затем залезла в интернет: хоть новости почитает. Ленты информационных сайтов кишели фотографиями огромных толп в магазины и к банкоматам. Запечатлели и скандалы: в Бутово пришлось вызывать усиленные наряды полиции, чтобы разогнать мародеров, ворвавшихся в магазин шуб. Тут же были выложены фотографии женщин, разбежавшихся в разные стороны с шубами подмышкой.

Лена чуть не поперхнулась. Надо же! Кто-то за продуктами, как она, ломанулся, а кто-то бросился грабить меховые салоны. До чего народ странный! Лена перелистнула новости: теперь показывали опустевшие полки в маленьких провинциальных магазинах – жители смели все, даже консервы с морскими водорослями. Промелькнули кадры с дерущимися людьми: не поделили рулоны туалетной бумаги. Люди били друг друга упаковками по башке, рвали рулоны из рук, а одного мужчину просто обмотали туалетной бумагой с ног до головы и оставили в кладовке, где его обнаружили охранники.

Лена верила и не верила: что-то могло быть фейком, а что-то и чистой правдой. Ей повезло, что обошлось лишь многочасовой очередью. Она допила чай и отправилась в спальню: посмотреть какой-нибудь фильм. Через некоторое время Лена уже спала, телевизор бормотал еще примерно с час, а после отключился.

Глава третья. Новая реальность

Будильник Лена не услышала. Вскочила и взглянула на часы: девять утра! Бросилась поднимать сыновей и вспомнила, что разрешила им пропустить школу. Ее посетило желание тоже отсидеться дома, но долг пересилил. Лена, усиленно зевая, поплелась в ванную комнату, а затем на кухню. Сварила манную кашу на топленом молоке, добавила в нее кусок сливочного масла и десертную ложку меда. Появился Дима.

– Кашу будешь? – предложила Лена.

– Не, мне чай, – Дима вспомнил о торте.

– А Толик?

– Спит еще, – Дима вытащил торт из холодильника, взял ложку и принялся поглощать десерт.

Лена отобрала торт и отрезала сыну кусок, затем налила чай. Дима проглотил угощение и побежал к себе, чтобы включить приставку. Лена собралась и отправилась на работу. В метро она тормознула возле турникетов: нужна карточка или нет? Но турникеты пропускали всех желающих.

Народа в вагоне было мало, все смотрели друг на друга одновременно с подозрением и надеждой: вдруг кто-то объяснит, что произошло? Лена забилась в угол вагона и закрыла глаза: лучше подремать. Но забыться не удалось: на мониторах, установленных в вагоне, появилось довольное лицо градоначальника, и он объявил о начале новой эры, и что Москве повезло вместе со всей страной участвовать в проекте по отмене денег.

Сон перебило. Лену потряхивало от злости, рядом не выдержала женщина – она разразилась длинной тирадой в адрес зажавшихся чиновников, которых при Сталине давно бы расстреляли.

– Полжизни на старость копила, – разорвалась женщина, – чтобы по людям с протянутой рукой не ходить. А теперь все деньги впору на помойку отнести.

Женщина была не старая: по Лениным прикидкам лет за пятьдесят, ровесница Лениных коллег. В ее глазах застыли слезы, казалось, еще немного, и женщина сорвется. Лена отвернулась: не было никакого желания смаковать чужую беду, да и лучше не провоцировать: неясно, чего ожидать от человека в истерике.

– А не надо было на выборах за коммунистов голосовать, – ответил мужчина интеллигентного вида. – Вот они всех нас в коммунизм и тащат.

– Им, сукам, все равно! Откроют себе спецраспределители, как раньше. А нам что делать? Побираться?! – женщина выкрикнула последнюю фразу на весь вагон и замолчала, тяжело дыша.

Лена была с ней согласна: незнакомка озвучила все страхи, которые Лена носила в себе со вчерашнего дня. Не станет денег, не станет импорта: кто из других стран согласится за бесплатно отгружать товар? Не, наверняка для чиновников припасен валютный запас, на который они приобретут себе японские и американские товары. Но для Лены и простых людей доступ к западным благам будет закрыт, как и поездки за границу. Зря она вчера холодильник не купила! Зато сыновьям взяла приставку – лучше так, чем совсем ничего.

Лена забежала в магазин с выпечкой рядом с метро: хотела взять пирожок. Возле закрытой двери она снова вспомнила про отмену денег: теперь неясно, как станут работать магазины. Может, и вовсе не будут. В мрачном настроении Лена пришла на работу. Тамары Ивановны не было, Павлина Сергеевна, бухгалтер по зарплате, с кем-то оживленно беседовала по телефону. Ольга Григорьевна, складской бухгалтер, с мрачным выражением лица сидела за компьютером.

– Здравствуйте, Елена Николаевна! – отвлеклась от телефона Павлина Сергеевна. – А Тамары Ивановны сегодня не будет.

– Надо было и нам не выходить, – добавила Ольга Григорьевна. – Все равно без работы останемся.

– Ну что вы такое говорите, Ольга Григорьевна! – всплеснула руками Павлина Сергеевна.

– Правильно я все говорю! – Ольга Григорьевна повысила голос. – Вы зачем нужны будете? Если зарплату отменили?

Павлина Сергеевна растерялась, но бодрость духа не утратила:

– А как же отчеты, Ольга Григорьевна? Да и стаж для пенсии нужен.

Та ничего не ответила, лишь выразительно посмотрела на коллегу, как на бредящую. Павлина Сергеевна и Ольга Григорьевна по характеру были инь и янь: полные противоположности. Павлине Сергеевне исполнилось пятьдесят два года. Каждый день она вела битву с лишним весом, но проигрывала сражение из-за любви к булочкам. Волосы Павлина Сергеевна красила в отчаянно рыжий цвет, более подходящий молодой особе. Дети от первого брака были уже взрослые, сама она состояла в браке с мужчиной на шестнадцать лет моложе. Все прогнозы, что брак развалится, не оправдались: Павлина Сергеевна находилась десять лет в отношениях. С другой стороны, она жаловалась, что у муженька ненасытная мать: постоянно просит денег, которые тот отсылал в долларовом эквиваленте в Молдавию.

Лена, как и остальные, подозревала, что дело не в матери, но молчала: Павлина Сергеевна пребывала в мечтах и видела мир в розовом свете. Под стеклом у нее лежали фотографии актерских пар: Павлина Сергеевна верила, что надо окружать себя прекрасным, чтобы притянуть удачу. При этом особым везением она не отличалась и часто попадала в неприятные истории.

Ольга Григорьевна красила в волосы в черный цвет и коротко стриглась, в браке она ни разу не состояла. Отец дочери слинял сразу, как только узнал о беременности, хотя алименты Ольга Григорьевна выбила. С другими мужчинами тоже не складывалось: те пользовались ею, но чувствами не баловали. Сама коллега винила в этом мать и детскую травму: мать не любила дочь, а потому Ольга Григорьевна так и выросла, не зная гармонии в отношениях.

– Вот что за год?! – страдальчески воскликнула Павлина Сергеевна.

– Две тысячи двадцатый – високосный, – язвительно ответила Ольга Григорьевна. – Чего от него ожидать хорошего?

Лена залезла в шкаф.

– Давайте выпьем, – предложила она, доставая бутылку красного полусладкого вина и коробку конфет, принесенных одним из субподрядчиков на Восьмое марта.

Работать не хотелось: ни настроения, ни необходимости.

– Правильно, Елена Николаевна! – тут же одобрила Павлина Сергеевна. – Сметный отдел тоже отмечает, я к ним заходила.

Ольга Григорьевна спорить не стала. Они закрыли кабинет на ключ и открыли вино. Разлили его по пластиковым стаканам, Павлина Сергеевна произнесла тост:

– Чтобы все наладилось!

За это выпили единогласно и закусили конфетами с пралине.

– Виктор Геннадьевич сегодня не в духе, – пожаловалась Павлина Сергеевна. – Я с ним поздоровалась, а он на меня накричал: мол, не мешайте.

Виктор Геннадьевич занимал должность генерального директора их строительной фирмы. Лена представляла, какие чувства переполняли директора: сама бы она к нему не сунулась.

– Не с той ноги встал, вот и бесится, – резюмировала Ольга Григорьевна, разливая вино по стаканам.

– Точно! – согласилась Лена. Затем подняла левую руку, резко опустила и добавила: – Ну и хрен с ним!

Они выпили снова.

– Вы вчера, Елена Николаевна, все успели купить? – Павлина Сергеевна нырнула к себе под стол и достала из сумки контейнер с бутербродами. – Угощайтесь, взяла на всякий случай.

Лена в красках и подробностях описала перипетии добывания продуктов, не забыв рассказать о хамском поведении бывшего.

– Вот козел! – посочувствовали коллеги. – Вот и жди хорошего от этих мужиков-то.

Павлина Сергеевна воспользовалась случаем и вспомнила первого супруга, попытавшегося после развода оттяпать часть квартиры, в которую его по доброте сердечной прописали родители Павлины Сергеевны. Закончилось все хорошо: бывший муж умер от сердечного приступа. Сожительница, к которой он ушел, тут же заявила, что хоронить его не будет. Так что Павлине Сергеевне все равно пришлось пострадать материально, пусть и в меньшей степени.

Лена слышала это в сто первый раз, а потому сразу отключилась, как только коллега предалась воспоминаниям. Павлина Сергеевна была прекрасной безотказной женщиной, но с одним серьезным недостатком: ей явно не хватало общения. А потому она компенсировала его дефицит за счет коллег. Лена и остальные научились пропускать поток сознания Павлины Сергеевны: очередные пересказы историй про соседей, родственников и знакомых. Да и сотруднице совсем не нужно было внимание Лены и прочих: главное, выговориться.

Лена залезла в банковскую программу. На конец вчерашнего дня высветился ноль, хотя операции за день имелись: пришло сразу несколько сумм от заказчиков. Даже ненавистный генподрядчик расщедрился и заплатил аванс, хотя имел привычку копить долги за полгода.

– Виктор Геннадьевич, – она зашла в кабинет к директору, – эти уроды, на которых мы в суд собирались подавать, долг закрыли.

Уродами были люди из Т4-Девелопмент, которые сперва долго не подписывали акты и справки о стоимости выполненных работ, а затем кормившие родную Ленину фирму обещаниями заплатить деньги уже четыре года. Виктор Геннадьевич на мгновение оживился, но быстро стух.

– И что там у нас? – на всякий случай уточнил он.

– Ничего, – осторожно ответила Лена: реакция директора могла быть непредсказуемой. – Обнулился счет.

– Ну да, – директор посмотрел в окно и вздохнул

Лена посочувствовала: так все запутано, что даже директор растерялся. Виктору Геннадьевичу было уже за шестьдесят, руководил он фирмой с конца девяностых годов. Прошел и наезды конкурентов, и визиты «масок-шоу», да и налоговые постоянно трясли фирму проверками. Лене до вчерашнего дня казалось, что выбить директора из колеи никому и ничему под силу.

– Генподрядчик расщедрился, – добавила она.

Директор лишь рукой махнул.

– Теперь неважно. И знаешь, Лена, иди домой. И остальным скажи.

Лена хотела возразить, что работа всегда найдется, да хотя бы бумаги подшить по папкам, но передумала. В кои-то веки можно будет почитать книгу в свое удовольствие. Она вернулась в кабинет и объявила:

– Виктор Геннадьевич всех отпускает.

– Ой, как здорово! – Павлина Сергеевна всплеснула руками. – Ко мне сегодня Олечка собиралась, хотела к ее приезду вкусенького приготовить.

Вскоре Лена осталась в кабинете одна. Неспешно вышла из программы, выключила компьютер и отправилась домой. В метро народа было немного, поэтому Лена заняла место и достала книгу, та была обернута в газету: Лена скрывала обнаженные торсы на обложке. Считалось, что нужно стыдиться, если увлекаешься любовными романами, но они дарили сказку. Прекрасные и мужественные мужчины теряли головы от обыкновенных женщин, таких, как Лена, бросали карьеру и деньги к их ногам и женились, чтобы жить потом долго и счастливо.

Лена в сказки не верила – она не Павлина Сергеевна, связи с реальностью не теряет, но помечтать любила. О чувствах, будоражащих кровь, о страсти, когда темнеет в глазах, о жарких признаниях и безумствах. А в реальности кому нужна разведенная женщина за тридцать лет с двумя детьми? Лена не обольщалась: мало кому. Витька родных сыновей бросил, променял на аморальную женщину.

Что он нашел в Таньке? Что?! Животный секс, когда можно много и без каких-либо запретов? Но ведь Витька и Лена любили друг друга, и тот же секс был, пусть и без прежней пылкости. Да и какая страсть, когда дети в соседней комнате спят, лишний раз вскрикнуть боишься. И все равно, хорошо у них с Витькой было: надежно и спокойно, пока эта зараза Танька не подвернулась. А теперь Витьку как подменили.

Лена осознала, что сидит, зависнув над книгой, и потому с досадой захлопнула ее: смысл читать, если содержание ускользает? Она убрала книгу и стала разглядывать людей в вагоне. Сидевшая рядом женщина раз за разом протирает очки, затем растерянно улыбнулась и обратилась к Лене:

– Как вы думаете, правительство нас обманывает? Это заговор против народа?

Лена пожала плечами: она бы ничему не удивилась, но поддерживать разговор не хотелось.

– Зачем им собственный народ губить? – возмутился крупный мужчина, сидевший напротив. – Государство живет за счет налогоплательщиков.

– Так теперь налоги тю-тю, – возразил дедок, похожий на городского сумасшедшего. Его две огромные сумки были набиты газетами и какой-то ветошью. – Мы уже не нужны.

– А если на нас нападут? Захватят страну? – крупный мужчина не сдавался. – Кто под ружье встанет?

– А что, война будет? – встрепелась Ленина соседка.

– Сдадут без боя, – дедок подхватил сумки и направился к выходу. – Это мировой заговор против России.

Он удалился, так и не услышав возражений. Лене захотелось последовать его примеру, но беседа так же неожиданно, как началась, заглохла. Лена уже выходила из метро, как позвонила Ляля:

– Ты где? Около дома? Мы с Таткой сейчас приедем.

Глава четвертая. Мужской дефицит

Подруги прикатили через полчаса. Ляля без приглашения направилась на кухню, Татка и Лена последовали за ней.

– Будем пить, – Ляля достала бутылку коньяка.

– Что-то случилось? – судя по Лялиному виду, стряслась катастрофа.

– Угу, – Ляля достала из пакета нарезки сыра, колбасы и хлеба. Там что-то звякнуло: видимо, бутылка была не одна.

– У меня только пельмени, – извинилась Лена, – ребята все доели.

– Пельмени – это хорошо, – протянула Ляля, – сытная еда, чтобы как следует закусить.

Она вытащила связку бананов.

Через пятнадцать минут раскрасневшаяся Ляля поведала Татке и Лене всю бездну падения собственного мужа:

– Швабра одна выставила фото: мол, ей полтинник стукнул, но смотрите, какая у нее большая и красивая жопа! – Ляля с раздражением поставила рюмку на стол. – А мой придурок взял и лайкнул пост.

– Прямо задница выложена? – удивилась Лена.

– Ну не совсем же она дура, – Ляля неодобрительно посмотрела. – В трусах.

– Может, из жалости лайкнул? – предположила Татка. – Тетке пятьдесят, старая уже.

Ляля попыталась прожечь взглядом дыру в Татке:

– Нормально она выглядит, не дашь ее возраст.

Она достала смартфон и продемонстрировала фото обыкновенной тетки. Та стояла впол-оборота в нижнем белье, хвастаясь пятой точкой. Тетка, как и ее задница, ничем выдающимся не отличалась: таких миллионы.

– Слушай, – Лена, наконец, сообразила, что не бьет в этой истории, – Сереге же худые нравятся, как ты. Зачем ему левая тетка с большой жопой?

Ляля походила на цыганку: такая же смуглая и чернявая. Фигура у нее была мальчишеская.

– Может, его на противоположность потянуло? – предположила Татка. Она взяла смартфон у Ляли и внимательно изучила фотографию. – Слушай, тут нет его лайка! – обнаружила Татка.

– Убрал, – Ляля снова разлила коньяк по стопкам. От возражений Лены, что больше не нужно, она отмахнулась. – После того как я позвонила и скандал устроила.

– Что он ответил? – полюбопытствовала Татка.

– Ничего, – Ляля опрокинула коньяк в себя, – я его везде заблокировала.

– Зря, надо было выслушать, – нравоучительно заметила Татка.

– Ты в адвокаты нанялась? – Ляля опять налила коньяк, Лена подложила ей пельмени.

Ляля снова выпила, поднялась из-за стола, покачнувшись, и удалилась в ванную комнату. Вернулась она через несколько минут, довольно хихикая.

– Ты чего? – настороженно спросила Татка.

– Тоже задницу сфотографировала и Сереге послала, – довольно улыбнулась Ляля. – А потом написала: «Извини, это не тебе» и снова забанила.

– Круто! – оживилась Татка. – Я бы не додумалась.

На кухню заглянули Толик и Дима:

– Мама, мы пить хотим.

Лена на скорую руку сделала чай с бутербродами и отправила сыновей в детскую, чтобы не грели уши возле взрослых.

– Может, это его начальница, – выдвинула гипотезу Татка, – и, если он пост не лайкнет, она его уволит.

– Серега военный, – Ляля пьяно икнула.

– Ну или жена начальника, – Татка осеклась, догадавшись, что сморозила глупость.

– Проехали, – Ляля разлила остатки коньяка. – Пусть работает над ошибками.

– А помнишь, как ты его перед свадьбой бортанула? – Татка ударилась в прошлое.

Ляля пьяно икнула:

– Еще бы! Мы должны были заявление в загс подавать, а Серегу в командировку послали.

Звонит такой: я обо всем договорился. Сходи, дорогая, и напиши заявление сама, примут. Ну я тоже Серегу послала: мол, и ты иди – на хрен.

Она сделала бутерброд и теперь сосредоточенно жевала:

– Отключила телефон и пошла бухать к тебе. Помнишь? – Татка кивнула. – Там меня Серега утром и нашел, – продолжала Ляля. – Привез в загс, а я пьяная... Посадил на стул, стул к стене приставил, чтобы я не сползла на пол. Тетка заявление принимает, на меня косится, а потом на Серегу с сочувствием: влюбился в забулдыжку.

Ляля прервалась на мгновение, чтобы съесть маслину:

– А я на противоположную стену гляжу: там пчела нарисована, в фате. И думаю: «Даже пчела замужем, а тебя не берут». И начинаю ржать. Комедия!

В дверь позвонили. Лена пошла открывать, теряясь в догадках, кто это. На пороге стоял Серега: метр девяносто ростом, косая сажень в плечах.

– Ольга у тебя? – он не спрашивал, а утверждал. – У Татьяны ее нет.

– У меня, – Лена посторонилась, пропуская Серегу.

В коридор вышла Ляля и встала, оперев руки в бока.

– Что, разнервничался? – она довольно улыбалась. – А вот не хрен чужие жопы лайкать!

– На смартфоне пролистывал, случайно нажал, – спокойно объяснил он.

– А мне плевать! – Ляля покачнулась.

Серега сграбастал ее в охапку и перекинул через плечо.

– Пока, мы отчаливаем, – попрощался он и, прихватив Лялину сумку, удалился.

Лена нерешительно посмотрела им вслед.

– Как ты думаешь, – спросила она Татку, – он ей ничего не причинит?

– Причинит, – хихикнула та, – многочисленные оргазмы.

Они вернулись на кухню. Лена залезла в оставленный Лялей пакет и вытащила бутылку красного вина.

– Франция, полусухое, – прочитала она этикетку.

– Разливай, – Татка подвинула свою рюмку. – А у меня вчера такое было...

Она закатила глаза.

– Новый роман? – догадалась Лена.

Она выпила вино и слегка поморщилась: полусухое не любила – кислое. Взяла дор-блю из сырной нарезки и закусила.

– Какой мужчина, – томно вздохнула Татка. – Извини, ты просто в самый неподходящий момент позвонила, – она снова хихикнула.

– У тебя и Эдик был ничего, и Виталик, и этот, как его, Миша...

– Да, – согласилась Татка. – Везет мне на мужиков.

Лена вздохнула: красавице Татке можно было только позавидовать. Татка походила на исконно русскую красавицу: выше среднего роста, чуть больше среднего веса, со светлорусыми длинными волосами и серо-голубыми глазами. При взгляде на нее мерещился выводок белобрых детей, мал мала меньше, и муж-богатырь. Но Татка не торопилась связывать себя узами брака.

У нее случались такие романы, что любая книжка про любовь позавидовала бы. Татке клялись в любви на смотровой площадке небоскреба в Дубае, для нее скупался весь ассортимент цветочного магазина. Однажды поклонник подогнал пожарную машину и влез на Таткин балкон на седьмом этаже, перепугав ее до полусмерти. Татка ковырялась в мужиках, но так и не определилась со спутником жизни.

«Мужиков хороших много, – говорила она, – выберешь одного – другие обидятся».

– Что стряслось? – поинтересовалась Татка.

Алкоголь сделал свое дело, и Лена, всхлипывая, поведала подруге о том, какая сволочь ее бывший.

– Каждый раз убеждаюсь, – с умным видом произнесла Татка, – что женщине полезно иметь много отношений до брака, чтобы расставание воспринималось как естественное течение жизни, а не как "мир рухнул".

– Я не из-за себя, – объяснила Лена, – из-за детей. Они-то причем?

– Ну ты же знаешь, – Татка достала сигарету из сумочки: – пока мужик любит бабу, он любит и ее детей. Ну за редким исключением.

– Знаю, но не понимаю, – Лена не курила, но хотелось закурить.

– А чего тут понимать? – Татка затынулась. – Просто надо иметь в виду. А Витьку забань везде, все равно алиментов с него больше не светит.

Явились Толик и Дима: он не могли решить, в какую игру играть, но Лена была не в состоянии помочь в этом вопросе. Мир сделался зыбким и ненадежным, все уплывало. Татка докурила сигарету, позвонил ее телефон.

– О-о, – Татка сделалась загадочной. – Вовчик беспокоится, куда я пропала. Так что скоро отчаливаю домой. А тебе пора задуматься о нормальном мужике.

Лена попыталась задуматься прямо сейчас, но ничего не вышло: на ум никто не шел.

– Нет их, – она развела руками.

Татка покачала головой:

– Не там ищешь, подруга.

Лена отхлебнула вина, мысли расплзались в разные стороны и собрать их воедино не получалось:

– А где? У меня один маршрут: дом-работа.

Татка охотно подхватила:

– На той же работе.

Лена подавилась вином.

– Да там и посмотреть не на кого! Скажешь тоже!

– В метро запросто познакомиться можно, особенно в час пик. Я так с Вадимом познакомилась. Помнишь, с которым я на рыбалку в Астрахань ездила? А в результате только через месяц из Турции вернулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.